

Прошло 60 лет со дня зачисления нашего курса в Краснодарское «Военно-морское училище», как было написано на ленточке бескозырки, и я пишу воспоминания о трёх курсантских годах. Пишу, что помнится с тех пор и как видятся эти годы, спустя целую жизнь! Можно ли было сделать это раньше? Разумеется. И – делалось, но в иной форме. Во время нашей службы в городе Свободном (нашей, потому что с офицером служит и его семья) мною была написана повесть «Якоря на погонах», исчезновение которой объяснить не могу, разве что догадываюсь, поскольку повесть из редакции журнала «Дальний Восток» была отослана в газету Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск», где и почил бесследно, а черновики её стали жертвой поступления в Военную академию связи. Нынешние воспоминания посвящены памяти исчезнувшей повести.

Привет из Китая

В середине первого курса меня вызвали с занятий, что говорило о чрезвычайности события. Мой вопрос о причине вызова сопровождавший меня командир одного из взводов оставил было без ответа, однако же, словно спотыкаясь, процедил – «не знаю», во что мало верилось: и непривычно строгое лицо его, и спешность движения, и буркнутое «не знаю» – всё тревожило и невидимым прочным коконом подавленности охватило пространство. Чувствовалась напряжённость даже дежурного по роте, который почему-то вместо дневального стоял на тумбочке. В канцелярию

роты я вошёл один и, не обращая внимания на присутствие двух гражданских, по всей форме доложил командиру роты капитан-лейтенанту Алферёнку (вскоре он станет капитаном третьего ранга) о своём прибытии.

– Садитесь, Дмитрий Андреевич, – один из гражданских (видимо, старший) указал на стул, который располагался так, что ко всем троим я оказался лицом, и не требовалось крутить головой при ответах на задаваемые вопросы.

И сразу вспомнилось, казалось бы, давно забытое, ко мне, семнадцатилетнему, подобное обращение ректора мединститута им. акад. Павлова на послеекзаменационной мандатной комиссии. Я шёл на комиссию в прекрасном настроении при полной уверенности, что завтра вместе с мамой пойдём покупать белый халат: из 20 баллов у меня были абсолютно проходные 18 (5 по физике и химии, 4 за сочинение и немецкий). Торжественность момента отмечалась тем, что ректор института Иванов был в форме генерал-майора медицинской службы. Секретарь огласила необходимые сведения, и генерал спокойным голосом произнёс:

– Дмитрий Андреевич, мандатная комиссия отказывает вам в поступлении в институт.

И никаких объяснений. Точно такие решения были объявлены ещё 20 абитуриентам, получившим проходные баллы. Но здесь не место рассказывать о сути «медицинского» дела.

Настроение моё резко упало до полного безразличия. Последовали вопросы: с кем я веду переписку, какие остались связи в Ленинграде, знаю ли, осознаю ли, что учусь в особом учебном заведении и что раскрывать суть воинской части равносильно преступлению. И какие успехи в учёбе и спорте (я начал заниматься фехтованием), и ходил ли на яхте (даже назвали её имя «Легенда») в Финляндию. Да, ходил, но сойти на берег нам, начинающим яхтсменам, не разрешалось. Такое право имел только капитан яхты, серьёзный учёный из института Арктики и Антарктики. Опустив голову, отвечал я на вопросы в ощущении, что вот и от-

Первокурсник

сюда выйду навсегда за неимением какого-то дополнительного потайного балла. Хорошо, что у меня есть в руках профессия: токарь. Не пропаду.

Но тут, когда ещё не виделось конца изнуряющей беседы, один из специалистов (по моему тогдашнему определению), словно в унисон с моими мыслями, заметил: «Вы, Дмитрий, наверное, талантливый токарь, если уже в восемнадцать лет имели пятый разряд». Это замечание и обращение ко мне по имени успокоили, что выразилось вздохом облегчения, хотя причины столь пристального ко мне интереса я никак не понимал. В довершение беседы специалисты положили на стол конверт с адресом «СССР Краснодар, в/ч 01335-Д», поступивший на моё имя из Китайской народной республики, однако ни само письмо, ни его содержание до меня не довели.

В конце концов, всё оказалось и просто, и глупо: одна из моих соучениц, студентка второго курса Политехнического института (ныне университета), показывала своим сокурсникам фотоальбом нашего класса, где находилась и моя фотография. Среди студентов был китаец, который проявил ко мне особый интерес; и студентка по простоте душевной сообщила ему мой адрес.

Прошло много лет, однако той поучительной беседы забыть не могу.

Спустя два с половиной года после этой оказии мне случалось бывать на границе с Китаем, где воочию наблюдал разворачивавшуюся там «культурную революцию», когда китайские пограничники выходили на катерах на Амур и показывали в сторону Благовещенска голые зады. Но ведь и русским палец в рот не клади: в ответ на такие, как сказали бы теперь, инсталляции наши припасли портреты Мао и живо выставляли их встречу; проведённые «переговоры» скоро покончили с международным скотством.

Макароны и совет капитана третьего ранга

По окончании первого курса нам, курсантам морской роты, предстояло в течение месяца пройти корабельную практику в Поти. И тут выясняется, что некоторые из старшин взвода никогда не ступали на корабельную палубу. Поэтому разговоры в поезде были полны бесконечными обсуждениями историй и традиций морского крещения, в основном вычитанных из книг, и колебались от некоторой вальяжности в рассказах старшины 1-й статьи Лаврухина, который имел знак «За дальний поход» и потому не-

сомнительный авторитет истинного моряка, к опыту которого прислушивались, до почти детской доверчивости Мокшанцева, который принимал за чистую монету всё, что говорили и о чём предупреждали бывалые. Мне, недавнему яхтсмену, было просто интересно, я ожидал практику с нетерпением, над некоторыми рассказами тайно посмеивался, однако первым и попался на морскую шутку.

На палубе СКР «Волк»:
гл. старшина Мокшанцев, гл. старшина
Лаврухин, курсант Улахович,
ст. 1-й статьи Соловьёв

Практика проходила на сторожевом корабле (СКР) «Волк». Нам дали неделю на знакомство с кораблём и освоение в необходимой части Корабельного устава, который мы изучали под руководством капитана второго ранга Панова. И вот я был назначен в наряд рабочим по камбузу.

Главный старшина Вартанян, старший кок, спрашивает: «Дима, ты макароны любишь?» Я пожал плечами: мол, эка невидаль. «Э-э, Дима, вижу, не ел ты настоящих макарон. Сначала их надо продуть».

– То есть? – недоумённо спрашиваю.

– А как же: что продуешь – то и есть.

В те годы срочная служба на флоте продолжалась четыре года, и Вартанян уже видел осеннее увольнение в запас. Ну, как не посмеяться над первокурсником?

На корме поставили два бака: с макаронами и пустой. Вартанян поясняет: «Берёшь пучок и на небольшом расстоянии дуешь в него. Попробуй». Попробовал. «Молодец, правильно. Только по сильнее надо. Давай ещё раз». И я приступил к выполнению задания. Возле меня почему-то зачастили весёлые матросы, что не соответствовало их занятости, согласно распорядку дня. Когда второй бак был заполнен наполовину, а содержимое первого бака уменьшилось настолько же, почувствовалось неприятное головокружение – пришлось сбавить темп.

Освободил меня от этого первостепенной важности занятия заместитель командира корабля капитан третьего ранга (фа-

милию не помню), которому я помогал решать какие-то задачи, вроде контрольной (возможно, он где-то учился заочно). Он же рассказал о поверье: если достать раковину со дна в порту, жена будет красивой, и крепко проживёте всю жизнь. За раковиной я нырнул, а привести её в должный вид во искупление своего греха взялся добрый армянин Вартанян.

Виниловая пластинка и концерт в Городском саду

Не вспомню, по какой причине в июне 1959 года перед самым выпуском из училища был отчислен третьекурсник Дима Камкин, с которым мы были в дружеских отношениях ещё по Ленинграду, где жили в соседних дворах. Он попросил вернуть виниловую пластинку своей подруге Раисе, проживавшей на пересечении улиц Кутузова и Будённого в низкорослом районе, застроенном частными домами с садами и садиками, полными слив, абрикоса и яблонь. В те годы на краснодарские столы подавали фрукты и овощи, выращенные в собственном саду.

Поручение я смог выполнить после возвращения из отпуска 28 августа. Предварительно мы созвонились. По-краснодарски тёплый день клонился к вечеру. Приняли меня очень хорошо. Отец Раисы, подполковник запаса, усадил меня за стол и, не принимая никаких возражений, налил тарелку борща. После первой ложки понял, что отказывался напрасно. Затем появился арбуз, возвращённый на собственной маленькой бахче, о чём не без гордости доложила хозяйка дома. Чувствовал я себя неловко и взмолился, чтобы хозяева не оставили меня один на один с арбузом; к тому же приходилось отвечать на вопросы, какие непременно выплывают при первом знакомстве родителей с гостем дочери. Хлебосольный отец, словно подводя промежуточный итог, ввёл меня в полное смущение, заметив: «Раиса, дочка, глянь, как удобно: не надо запоминать ни имени, ни откуда родом... к тому же с математикой знаком!». (Раиса училась в пединституте на факультете математики).

И вдруг в раскрытую дверь легко вбегает загорелая девушка в жёлтом в горошек платье без рукавов. Хорошо, что хозяева предусмотрительно выдали передник: несколько крупных арбузных капель стекли с моих застывших рук. Меня представили в полной мере. Выяснилось, что подруги 30 августа (в мой последний отпускной день) собираются в городской парк слушать московский симфонический оркестр под управлением Вероники Дударовой,

очень известного в те годы дирижёра. Пригласили и меня. Вечерело. Время подходило к необходимости возвращаться в училище, да и новой знакомой с необычным именем Зайнаб (по крещению Зинаида Сергеевна), требовалось завершить какие-то дела. Пошли провожать. Она жила неподалёку: на улице Прогонной (ныне Костылева), метрах в восьмидесяти от Северной, где ходили троллейбусы требуемого маршрута.

Концерт Дударовой стал большим событием культурной жизни Краснодара и, казалось, собрал весь город: разновозрастная публика стекалась отовсюду. Понятно, что концерт не могли пропустить преподаватели и студенты дирижёрско-хорового отделения музучилища, где училась Зайнаб. Она бесхитростно опекала меня с Раисой, но и я пустился на уловки, чтобы Зайнаб оказалась справа от меня.

Через год я подарил ей потийскую раковину, ставшую семейной реликвией, и мы прожили 54,5 года.

Мои чувства отразились в стихотворении

Дирижёр

Ты выходишь, словно пава,
И со сцены прямо в зал
Улыбаются лукаво
Твои карие глаза.

Взмахам рук покорно вторят,
Вдохновением горя,
Трубы, скрипки и валторны,
Баритоны, тенора.

В них – вся жизнь полна цветами,
В них – весь музыки простор.
Ты ведь, как ни как, а самый
Настоящий дирижёр!

Я влюбился – нет покою!
А признаться страшно всё ж:
Ну, а вдруг тогда ты мною
Дирижировать начнёшь?

Полковник Дубровский

Свадьба наша... да какая там свадьба – домашний свадебный вечер 31 декабря 1960 года на ул. Прогонной состоялся при чрезвычайных обстоятельствах с разрешения заместителя начальника училища полковника Дубровского. Если бы не он...

Зайнаб (Зинаида)

Во-первых, мы зарегистрировались 19 декабря, в понедельник, в 15 часов, в находившемся неподалёку от училища загсе Первомайского района, неделей ранее стоворившись с заведующей. Я получил увольнительную для посещения стоматолога в госпитале. Конечно, было кольцо и цветы, и через полчаса мы, муж и жена, радостно разбежались: Зайнаб, уже с кольцом – на комсомольское собрание (!), я – в училище. Казалось, хитрость удалась – да не тут-то было: командир роты, заподозрив неладное, заглянул в мою медицинскую книжку, где рекоменда-

ция от медпункта к стоматологу была, а запись госпитального стоматолога отсутствовала. Пришлось всё выложить начистоту.

Во-вторых, в последних числах декабря наш взвод оказался на карантине: как говорится, что-то съели. Здоровыми остались только четверо, на счастье включая меня. И всё же полковник Дубровский, доходчиво объяснив неправильность моего поступка, вошёл в наше положение и разрешил увольнение на Новый год нам четверым: он бывал на концертах известного в то время эстрадного оркестра Якова Верховского и в театре музыкальной комедии, где слышал Зайнаб в оперетте «Кубанские ласточки», которая с большим успехом прошла в Москве. Музыка к оперетте написали совместно композиторы: Г. Плотниченко (автор песни «Кубанские синие ночи»), Д. Фалалеев и Я. Верховский.

От взвода мы получили неожиданный прекрасный подарок – радиолу «Муромец», прослужившую нам достаточное время.

Заместитель начальника училища полковник Дубровский, лет сорока пяти, прошедший всю войну, был очень требовательным и чутким. При его непосредственном участии мы совершали маршброски, увеличивая их расстояние от трёх до десяти километров. Это была школа выдержки, товарищества и взаимовыручки. Результат, как и положено, оценивался по времени пересечения финишной линии (вход КПП) последним курсантом. Такое условие, во-первых, сплачивало коллектив: у отстававших забирали оружие, которое обязательно возвращалось перед финишем, и двое подхватывали третьего, когда тот едва волочил ноги; во-вторых, менее подготовленных принуждало тренироваться. К середине второго года обучения мы почти не уступали курсантам-обще-

войсковикам, хотя они обижались, поскольку бегали в сапогах, а мы, словно белая косточка, – в ботинках. В этом, конечно, была толика сермяжной правды, но не более того: ведь им, общевоиновикам, не приходилось упражняться на шестивёсельных ялах, а это была не простая забава, и, помнится, в Поти мы не уронили честь училища. Тренировки проходили на Кубанском затоне, который по весне непременно заполнялся различным хламом: откуда-то приплывали напитанные водой брёвна, отжившие кустарники, разбитые двери с приколоченными ржавыми кастрюлями, попадались изуродованные куклы – и надо было готовить затон, причалы, и всё оборудование к навигации.

Моё посильное (по примеру Вождя) участие в подготовке к навигации.

Иногда по весне непременно заполнялся различным хламом: откуда-то приплывали напитанные водой брёвна, отжившие кустарники, разбитые двери с приколоченными ржавыми кастрюлями, попадались изуродованные куклы – и надо было готовить затон, причалы, и всё оборудование к навигации.

В строю

Из всех старослужащих, поступавших в училище, выделялся старший сержант Олег Мокшанцев не только своим ростом, но общевоиновской формой, что было странным для абитуриентов морской роты. Этот факт несколько давил на него все три года нашего обучения притом, что от него, как подготовленного младшего специалиста, базовые предметы не требовали больших усилий. В первые недели он с трудом преодолевал старшинские звания, сбивался: например, старшину 1-й статьи называл сержантом.

На третьем курсе Олег был назначен старшиной роты и хорошо справлялся со своими обязанностями; мы прекрасно понимали его и сами, как говорится, держали строй. Конечно, случались и осечки. Одна из них произошла на вечерней поверке со мной и главным старшиной Юрием Чехмотаевым, который одно время был заместителем командира взвода. Не знаю, по какому поводу его сняли с должности и перевели в командиры отделения. Ещё не прозвучала команда «смирно», когда Юрий что-то мне сказал, и я шёпотом стал ему отвечать. Олег, естественно, не мог сделать замечание Чехмотаеву, а порядок в строю поддерживать надо, поэтому он строго обратился ко мне: «Курсант Улахович, что вы всё

стоите и болтаете? Разболтались! Поставьте голову перед собой и смотрите прямо!». Под общий смех я показал, что голова не снижается и доложил: «Товарищ старшина, не получается!». Не могу сказать, что мы с Олегом были дружны, нет, но в товарищеских отношениях состояли, и я до сих пор тепло вспоминаю о нём.

Были у нас две строевые песни: одна – о яростном море с могучим припевом:

А море грозное ревело и стонало,
На скалы с грохотом валил за валом вал,
Как будто море чьей-то жертвы ожидало:
Стальной гигант кренился и стонал;

другая – о девичьей, а по правде говоря – о курсантской печали:

Девушка влюбилась в нашего курсанта.
Встретились весной среди майских дней:
Чёрные погоны с белоснежным кантом
Не дают покоя, даже снятся ей.

...Вечером душевным до дому проводит.
У неё одно лишь горе есть:
Что он с ней на людях под руку не ходит,
Всем военным встречным отдавая честь.

...И когда уйдёт он, грустно станет очень,
Словно не видались с давних пор.
Ой, ты, парень, парень – ласковые очи,
Стройная походка, нежный разговор.

Новый год и Степан Степанович

Из письма моему другу Михаилу Литвякову² от 13 января 1959 года: Новый год встречал «в наряде по роте и плясал на палубе со щёткой» (ибо кого, как не первокурсников ставить в наряд под Новый год); «1-го января написал стих:

Ни морозов нет, ни снега,
Не летит позёмка в рот.
Краснодар встречает в неге
Пятьдесят девятый год!

² Ныне всемирно известный кинорежиссёр-документалист, создатель международного кинофестиваля «Послание к человеку», ежегодно проходящем в Санкт-Петербурге.

Ну так что же, друг мой, про́зит³!
Мы живём с природой в лад:
Может быть, чуть подморозит
Чей-нибудь холодный взгляд.

Это было не первое моё стихотворение: к тому времени стихи уже публиковались в ленинградских газетах, и впоследствии, где бы ни приходилось служить, я не оставлял литературные занятия. Печатался в журналах «Дальний Восток», «День и ночь» и др., в Полтаве вёл ежемесячный радио-час поэзии. В дальнейшем выходили книжки стихов и прозы, благодаря чему включён в энциклопедический словарь «Литературный Санкт-Петербург. XX век», 2011. – Т. 2, стр. 445–448; а также в «Энциклопедию литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков», Благовещенск, 2013. – стр. 377.

Яркое впечатление оставил первый караул, подготовка к которому длилась неделю. Понимание предстоящей ответственности до нас, недавно принявших присягу, довели до такой степени, что нам, салагам, казалось, будто только от нас зависит мир во всём мире. В темноте за каждым поворотом, за каждым раскидистым платаном грезился возможный нарушитель спокойствия. Со временем несение караульной службы стало делом обыденным, и волновало только одно: не пропустить дополнительный чай. Спустя некоторое время, по-моему, начиная с середины второго курса, внутренний караул, благодаря некоторой изюминке, порою чуточку подслащивался. Изюминкой оказался новый шеф-повар Степан Степанович по характерному прозвищу Степан Стограмыч. В дни своего дежурства он подкармливал караул тем, что под ночь готовил специально для караула какую-либо кашу и котлеты. Котлеты были царского стола – нигде больше таких не пробовал. Что касается каши, первое удивление – гороховая. Впоследствии из разговоров с ним выяснилось, что Степан Степанович какое-то время состоял в личных поварях Сталина на его даче в Гори, где готовил и гороховую кашу.

И вот случился Новый 1960 год, и для гостей (интересно: сейчас гостей приглашают?) Степан Степанович расстарался. Гости (среди них моя будущая жена, которой я рассказал о нашем замечательном шеф-поваре) первоначально опешили от «горохового» угощения, но в итоге тарелки обнаружились пустыми: гости аплодировали шеф-повару. Степан Степанович улыбался и кланялся, при этом оправдывая своё прозвище. Отмечу, что некоторые

³ Прóзит (лат. prosit) – за здоровье

черты Степана Степановича и его имя были приданы одному из действующих лиц в моём рассказе «Всё с чего-нибудь начинается, или рассуждения умственного человека с самим собой».

Никита Сергеевич Хрущёв

Солнечным утром 15 октября 1958 года в Краснодар для вручения Кубани ордена Ленина за успехи в сельской хозяйстве прибыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущёв. По этому поводу на стадионе «Динамо» состоялся многотысячный митинг – Праздник урожая.

Небольшая группа курсантов училища (фото 9), была выделена, как нам объяснили, для участия в охране руководителя государства. Никакого оружия нам не выдали, поскольку особые мероприятия осуществляли специально обученные незаметные люди.

Группа охраны Н. С. Хрущёва перед митингом на краснодарском стадионе «Динамо» 15.10.1958.

*В первом ряду: майор (подполковник) Павлов, ком. взвода старший лейтенант ..., кап. 2 ранга Панов, ст. 1-й статьи Манюнин, Бобошко;
во втором – Кривчиков, Улахович, ст. 1-й статьи Суворов;
третий ряд: Перскевич, Фёдоров.*

Это была моя вторая встреча с Хрущёвым. Первая состоялась годом раньше, 6-го июля 1957 года на площади Восстания (возле Московского вокзала), где в составе представителей от молодых ленинградских рабочих я встречал кортеж Хрущёва, прибывшего на празднование 250-летия Ленинграда (!). В большом светлом кабриолете стояли Хрущёв и Ворошилов. Истинная юбилейная

дата была перенесена с 1953 года и праздновалась дважды: 23 июня, а затем 7-го июля на Дворцовой площади.

В ночь на 23 июня мы с одним из моих одноклассников пришли на Стрелку Васильевского острова, где впервые были зажжены огни Ростральных колонн. Кому знакомы эти места, знают, что в здании Биржи размещался Центральный военно-морской музей. На фронтоне здания под скульптурной группой «Нептун с Невой и Волховом» был растянут лозунг «Вперёд, к победе коммунизма!». Тут же сочинилось:

Нептун с трезубцем восседал.
Могуч: его владенья – воды!
Но до сих пор Нептун не знал,
Что в коммунизм ведёт народы.

Сочинение немедленно было доставлено дежурному газеты «Вечерний Ленинград», и к утру лозунг был снят; с тех пор подобное больше не беспокоит Нептуна.

По чести говоря, на празднике урожая мы не были сторонними зрителями: ежегодный труд курсантов училища на сельскохозяйственной ниве в какой-то мере, пусть точечкой, да отразился на эмали ордена. Курсанты неоднократно участвовали в сборе урожая на полях колхоза им. Хакурате, где скоро научились ловко ломать кукурузу; и непонятно было, кто кому подшефный: то ли колхоз – нам, то ли мы – колхозу. Уставали, но деятельное шефство служило хорошим уроком для понимания смысла сельского труда. И вспоминался другой опыт в дер. Варварино, где наш детдом находился в эвакуации из блокадного Ленинграда:

...впережку с детскими шалостями
мы в тылу, как могли, воевали:
мы по полю – коленки исколоты –
ползали за колосками.
Точно так же, как ищут золото,
зёрна хлебные мы искали.

Выпускной марш

Свадебный вечер закончился под утро 1-го января выпускного 1961 года. А через 15 дней нас подняли по тревоге для успокоения стихийных массовых беспорядков, возникших на Сенном рынке из-за солдата-самовольщика, пытавшегося продать вещи, украденные с военного склада. Солдат был задержан патрулём, и

на его выручку бросилась образовавшаяся толпа защитников. На рынке начался погром. И всё же солдат был доставлен в военную комендатуру, располагавшуюся на ул. Красной, куда следом двинулась толпа и ворвалась в здание комендатуры. Часовой сделал предупредительный выстрел, и пуля рикошетом от потолка попала в голову старшекласника, который погиб на месте. Убитого положили на кушетку и понесли к зданию крайкома партии. Нам не пришлось участвовать в силовых действиях. Наша задача состояла оградить часть рынка от вливания потока любопытствующих со стороны трамвайной линии.

Спустя некоторое время город вновь обрёл привычное спокойствие, чтобы менее чем через три месяца высыпаться на улицы и безумно целоваться, кричать и радоваться. Да, мы стали свидетелями величайшего, исключительного события в истории человечества – Гагаринского полёта в космос 12 апреля. Трёхсуточные учения взвода внезапно были прерваны многократными отовсюду криками «Ура-а!», беспорядочной беготнёй по старательно оберегаемому паркету, и трудно было успокоиться и курсантам, и преподавателям... и всё же преподаватели нашли нужные слова, чтобы учения завершились благополучно, и все задачи были решены.

Мощный внутренний подъём народа в тот год был подхвачен полётом Германа Титова.

В том же 61-м году 23 августа состоялся выпуск нашего набора. Стоит ли описывать чувства, которые владели нами и нашими родственниками на торжественном общеучилищном построении? После объявления Приказа Министра обороны о присвоении нашему выпуску первого офицерского звания и вручения дипломов, лейтенантских погон и кортиков мы строем отправились в помещение роты и строем же вернулись ровно через пятнадцать минут в парадной форме: именно столько времени отводилось на переодевание. Форма была разложена на койках, неоднократные тренировки довели процесс до автоматизма. И, когда мы чеканно двигались на своё место в строй, слышно было, как зрители с трудом и радостью узнавали нас в новоиспечённых офицерах, левой рукой придерживавших кортики – гордость военно-морского офицера.

Однако с кортиками получилось не всё благополучно. В 1949–1958 гг. кортик являлся элементом парадной формы не только офицера ВМФ, но и вообще офицера ВС СССР. Кортик ВМФ имел гравировку якоря, армейские – звезду с лучами. В те годы происходило масштабное сокращение вооружённых сил – за три года

на три миллиона триста тысяч, и на складах образовался переизбыток армейских кортиков. Некоторым из выпускников достался морской кортик, но большей части – армейский. Мне достался армейский, а снаряжение к нему – морское с якорями.

А всего три года назад подошёл час призыва в армию. В это время я работал токарем 5-го разряда (в 18 лет!) в экспериментальном цехе на заводе им. Карла Маркса и учился на вечернем отделении факультета машиностроения Политехнического института. Никаких отсрочек для студентов – вечерников не существовало. Комиссар Выборгского района вызвал меня на беседу. Разговор был не слишком долгим, но весьма странным. Я выразил желание пойти в любое из ленинградских морских училищ (до этого времени у меня были некоторые, биографического свойства, препятствия, которые совсем недавно помешали поступлению даже в Арктическое училище), но у военкома, видать, были свои резоны, и он дал мне какое-то время на размышления, подогрев тем, что в предлагаемом училище есть специальная морская рота и что в направлении моё желание будет учтено. Что же до вступительных экзаменов, у него никаких сомнений в успешной сдаче не имелось. После некоторых колебаний и консультаций со знакомыми офицерами, лишь понаслышке знавшими о сути предстоящей после училища службы, решение было принято, и днём 7 августа 1958 года небольшая группа ленинградских абитуриентов при строгих наставлениях избегать какой-либо болтовни о нашем назначении в сопровождении офицера отъехала от Московского вокзала в наше будущее. И вот оно – состоявшееся.

...настал минута, когда известный дирижёр и композитор начальник училищного оркестра Дмитрий Фалалеев сделал замах, чтобы через мгновение под торжественный марш мы, счастливые лейтенанты, сделали первый шаг в офицерскую жизнь.

Наши учителя

Капитан второго ранга Панов – участник обороны Сталинграда – служил на речных катерах, которые обеспечивали связь между берегами Волги, а затем на Дунайской флотилии. Не всегда нами, будущими шифровальщиками, понималась необходимость основательного изучения тактики ВМФ, которую он преподавал. Но знания карман не тянут и, как нередко бывает, выглядывают краешком из потайного кармана, напоминают о себе, приходя на помощь с неожиданной стороны. Так случилось в городе Свобод-

Старший морской
начальник (23 года)
г. Свободного,
он же поэт

ном. На реке Зее стояли два или три катера под командованием мичманов, а в городе проживало несколько флотских офицеров запаса, с которыми военкомат давно не проводил плановых сборов за неимением действующих офицеров флота, а тут объявился лейтенант корабельной службы, как указано в дипломе.

И вот, за неимением других подходящих кандидатур, меня после каких-то согласований назначили старшим морским начальником гарнизона по совместительству, со всеми вытекающими обязанностями и полномочиями. Пришлось погружаться в «Морской сборник», пополнять свои знания и проводить занятия с офицерами запаса, среди которых были даже два капитана третьего ранга. Это были полезные

начальные опыты преподавательской деятельности, которая стала моей судьбой.

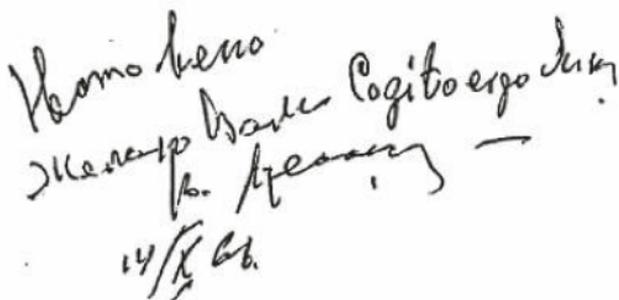
Подполковники Павлов и Берзин, которые читали специальность, тоже не давали спуску. Именно они научили пунктуальности выполнения требований всех наставлений и своевременной доставки сообщений командованию независимо от складывающейся обстановки. Так, например, крепкой зимней ночью случилось доставить принятое телеграфом распоряжение командующего 11 армией ПВО генерал-лейтенанта Боровых из Свободного в Белогорск, где размещалась отдельная эскадрилья ПВО. Дежурная машина ушла в один из дивизионов, а другого транспорта не было. Командир полка принял решение отправить меня в Белогорск уже стоявшим на парах паровозом, предварительно согласовав такую возможность с дежурным по станции. Пришлось текст выучить наизусть и повторять его про себя, чтобы не забыть ни одной запятой. Я не был одет для такого путешествия, но безотлагательное дело не позволило даже сменить форменные туфли на валенки. К тому же в голову не приходило, что в паровозе можно обморозить ноги. Через пятьдесят минут в Белогорске меня встретил командир эскадрильи. Утром на карте оперативного дежурного были отмечены места уничтожения воздушных шаров-разведчиков.

Конечно, лётчики не были бы лётчиками, когда б ни обогрели меня.

О чём говорил Вольф Мессинг?

Город Свободный, который упоминается в представляемых заметках, был не просто местом нашей службы; главное – в нём проходило становление нашей семьи, этот город явился настоящим испытанием на профпригодность во всех смыслах. Здесь родились наши двое сыновей, были достигнуты первые профессиональные успехи; здесь, в небольшой артистической Дома офицеров, куда пригласили только нас двоих, произошла интереснейшая беседа с удивительным человеком Вольфом Григорьевичем Мессингом, который оставил автограф на книге «Поэты Сатирикона».

Нет необходимости пересказывать содержание беседы, но отмечу только, что многое произошло так, как он предвидел.

Ното бено.
Желаю Вам Cogito ergo sum.
В. Мессинг
14/X 66

Автограф Вольфа Мессинга на книге «Поэты Сатирикона».
Ното бено. Желаю Вам Cogito ergo sum. В. Мессинг⁴. 14/X 66.

В академии началась и моя научная работа в зарождавшемся в СССР направлении цифровой обработки сигналов (ЦОС). И так случилось, что в конце октября – начале ноября 1971 г., будучи слушателем 5-го курса, мной был прочитан первый 20-часовой курс по ЦОС для преподавательского состава академии, курс положил начало изучению дисциплины ЦОС в вузах связи. А через два с небольшим месяца (наш выпуск был ускоренным) я представил к защите дипломную работу, посвящённую синтезу цифрового полосового вокодера для систем связи высшего звена управления. Государственная экзаменационная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Тихонова признала работу выдающейся. Конечно, первейшая роль в моём становлении как учёного принадлежит Артуру Абрамовичу Ланнэ, моему учителю, который был старше меня всего на три года. Вся моя дальнейшая научная работа и подготовка адъюнктов была связана с задачами многокритериальной оптимизации, цифровой фильтра-

⁴ Хорошему человеку. Желаю Вам быть разумеемим всегда

ЦИФРОВАЯ ОБРАБОТКА
СИГНАЛОВ
Круглый курс

Мой последний учебник

ции и синтеза вокодеров с линейным предсказанием (липредеров); были написаны учебники, как в составе коллектива, так и монографии, последняя из которых издана в Военной академии связи в 2017 г.. Мои «цифровые заслуги» отмечены званием «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2013 г.) и медалью «МАРШАЛ ВОЙСК СВЯЗИ ПЕРЕСЫПКИН» (2019 г.).

Не отставала от меня и Зинаида Сергеевна; я бы даже сказал, вырвалась далеко вперёд. Она стала известным учителем музыки не только в СССР, но и за рубежом.

На её уроках учились болгарские, немецкие, финские, польские и даже американские педагоги (из Нью-Йорка).

Народные артисты СССР

Галина Вишневская (подписывает книгу «Галина») и Мстислав Ростропович в кабинете музыки лица № 214 Санкт-Петербурга у Заслуженного учителя школы Российской Федерации Зинаиды Улахович

Заключение

Пришла пора писать воспоминания, к чему время от времени подталкивает неволью зарождающееся желание оставить после себя свои ощущения высшего дара – Жизни, и рассказать, как я распорядился этим даром. Но как-то всё не складывалось: то не доставало времени, то возникали сомнения в своих возмож-

ностях, то не находилось внутренних оснований для столь ответственного дела. Тем более что воспоминания всегда являют собой весьма ограниченную панораму безграничной череды множества взаимосвязанных событий, постоянный выбор из которых и есть Жизнь. Причём сам выбор, как известно, далеко не всегда свободен. Он ограничен теми обстоятельствами, которые так или иначе сужают область жизненного размаха от почти безграничных пределов в юности до... И не мне в предлагаемых записках в полной мере оценивать её результаты.

И всё же странно, не правда ли, что я всё-таки решился на воспоминания. Странность состоит в том, что меня дважды настоятельно подтолкнули на это дело, причём оба раза толчки исходили издалёка – по телефону. Первое предложение написать воспоминания поступило в 2013 г. из Благовещенска. Целью воспоминаний предполагался рассказ о литературном объединении (ЛИТО) при газете «Зейские Огни», которым я руководил в 1963–1967 гг. во время нашей службы в городе Свободном Амурской области. Однако рассказ далеко вышел за обозначенные рамки; в него вошло не только описание литературной жизни города и области, но и общественной жизни того времени. Рассказ под названием «Свободные воспоминания о Свободном» был опубликован дважды: в Благовещенске⁵ (в полном объёме) и в Санкт-Петербурге⁶ (в сокращённом варианте).

Второе предложение последовало в 2018 г. от полковника Шарифуллина в связи с предстоящим 90-летием училища, которое я закончил в 1961 году. Предложение было принято с благодарностью, и сегодня отдаю воспоминания на суд читателей, среди которых, надеюсь, найдутся и мои сокурсники.

19 января 2019 г., 16.02.2020. Санкт-Петербург

СПРАВКА: Написано по заказу, поступившему в декабре 2018 г. от Краснодарского училища для сборника Воспоминаний в связи с 90-летием училища. Отослано 20 января 2019 г. В марте – апреле дважды получил устное уведомление о публикации без каких-либо купюр. Однако в сборнике моего текста не оказалось без извещения о причине отклонения в публикации.

⁵ Альманах «ПРИАМУРЬЕ» – 2014, № 12 (30), стр. 410–436

⁶ Свидетельства времени: Сборник, вып. шестой / Составители М.К. Зарубин и В.Е. Ширский. – СПб.: изд. «Дума», 2015. – стр. 249–289